

тельными испытаниями проглядывает не столько противопоставление одного другому, сколько градация опасности.

Как ясно из сличения с «Повестью о Савве», в основание пушкинского произведения кладется еще одна неизвестная волшебной конструкции и, вероятно, в высшей мере значимая для романа нового времени оппозиция, а именно: противопоставление социальных групп и классов. Центральная конфликтная ситуация пушкинской повести раскрывается в столкновении между двумя социальными общностями — дворянской и крестьянской. Остается только изумляться удивительной гибкости той выработанной коллективным сознанием художественной схемы, которая оказалась открытой для насыщения самыми разнообразными значениями и которая обладает огромными возможностями приспособления к меняющимся условиям человеческой истории.

Удвоение испытательных блоков глубоко содержательно: вот почему наивным формализмом грешат многочисленные попытки отсоединить «приключенческое» начало «Капитанской дочки» от начала «социального» и, стало быть, говоря объективно, изобразить приключения (правильно: испытания) как «пустые элементы» сюжетной структуры.

Наряду с противопоставлением дворянского лагеря крестьянскому как *своего/чужому* и *безопасного/опасному* (противочлены обеих оппозиций меняют знаки в дополнительных испытаниях), автором «Капитанской дочки» устанавливается и другая оппозиция *старшие/младшие*. Эта оппозиция реализуется в рамках «дворянского» цикла испытаний: поведение Гринева контрастирует и с бюрократически-традиционалистскими нормами (оренбургский генерал, участники военного совета), и с нормами патриархально-дворянскими (семья, капитан Миронов). Гринева как главный представитель младших выделяется из дворянского коллектива, т. е. в пушкинской повести, как и в «Повести о Савве Грудыне», присутствует оппозиция *индивидуальное/социальное*, но в отличие от произведения XVII в. конфликт между контрастирующими членами разрешается в пользу индивидуализма.

По Пушкину, вовсе не индивидуализм колеблет государственную стабильность. Она нарушается потому, что существуют объективные противоречия между этническими общинами, между социальными группами. Как справедливо замечает Лотман, «ставить вопрос: на чьей из двух борющихся сторон стоит Пушкин — значит не понимать идейной структуры повести. Пушкин видит роковую неизбежность борьбы, понимает историческую обоснованность крестьянского восстания. . .»¹⁰⁹

Поведение Гринева, по Пушкину, это — вариант рыцарского поведения. Мало того, что в «Пропущенной главе» он прямо был назван «*Дон-Кихотом белогорским*», что во время осады Петруша «воображал себя . . . рыцарем» своей возлюбленной. Рыцарская этика героя обнаруживается с наибольшей полнотой в результате тех испытаний, через которые он проходит. Несмотря на предложение Пугачева, он остается верен присяге, верен данному слову, сохраняет вассальную лояльность по отношению к государыне; он отказывается от триумфа над поверженным врагом (Швабриным) и т. п. Личная честь — превыше всего в модернизированном в романтическом духе рыцарском кодексе Гринева.

Как и в волшебной сказке, посредник пушкинской повести — Пугачев — представляет силы чужого мира; но в архетипе этот мир является нечеловеческим или полочеловеческим, в «Капитанской дочке» чужое описывается в терминах социальных антиномий. Пугачев снимает напря-

¹⁰⁹ Ю. Лотман. Идейная структура «Капитанской дочки», стр. 17.